

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Курицына Анна Вячеславовна

СИНТАКСИС ТОХАРСКИХ ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Иткин Илья Борисович

Москва
2023

В диссертации исследуется ряд ранее не изученных (или изученных неполно) явлений тохарского синтаксиса и сравнивается их реализация в двух близкородственных языках – тохарском А и тохарском В. Также предпринимается попытка интерпретации этих явлений в типологическом и ареальном контексте.

Степень научной разработанности темы диссертации

Оба тохарских языка имеют инновации в именной и глагольной системе¹, которые могут быть результатом влияния одного или нескольких агглютинативных языков, но точный источник такого влияния неизвестен. Типологические особенности тохарской грамматики и вопрос об их возможном источнике представляют большой интерес для понимания истории тохар и их языковых контактов до и после заселения оазисов Таримского бассейна. Лингвистическому взаимодействию между тохарами и носителями других языков Восточного Туркестана посвящено большое количество работ, лишь некоторые из которых: [Hansen 1940, Schwarz 1974, Schmidt 1985; Pinault 2002; Tremblay 2005; Blažek & Schwarz 2017; Peyrot 2022: 84-87] о тохаро-иранских контактах и [Winter 1963; Pinault 2001; Lubotsky and Starostin 2003; Kasai 2013, Mair 2013] о тохаро-тюркском взаимодействии. Также здесь нужно назвать два больших исследовательских проекта Лейденского университета: "Tracking the Tocharians from Europe to China: a linguistic reconstruction" (2016-2021), посвященный контактам между тохарами и носителями древних и среднеиранских языков, и "The Tocharian Trek. A linguistic reconstruction of the migration of the Tocharians from Europe to China" (2018-2023), изучающий тохаро-уральские и тохаро-тюркские контакты. В то же время большинство из перечисленных исследований касается прежде всего лексических заимствований и их хронологизации, структурные же параллели остаются малоизученными. Отдельные грамматические сходства в языках тохарского лингвистического ареала обсуждаются лишь в нескольких работах. Так, о синтактико-семантических параллелях между тохарским прилагательным на А *-ši* / В *-šše* и древнеуйгурским прилагательным на *-IXg* говорится в [Erdal 1991: 141-

---

¹ Некоторые общие инновации тох. А и тох. В в именной морфологии и синтаксисе: «двухъярусная» падежная система с разделением на первичные и вторичные падежи, присоединение вторичных падежных показателей к форме аккузатива, групповая флексия; отсутствие кумулятивности в выражении грамматических значений у показателей вторичных падежей и некоторых показателей мн.ч. и дв.ч.; общая слабая выраженность границ между словоизменением и словообразованием (словообразовательные суффиксы могут присоединяться к словоизменительным, таким как показатели мн.ч., и др.). Некоторые инновации в глагольной системе также могут говорить о субстратном влиянии: особая роль категории каузативности; утрата флексии «медиальным» причастием настоящего времени и его преимущественно конвербиальное употребление (как деепричастие одновременности, наряду с абсолютивом II в функции деепричастия предшествования); обилие нефинитных глагольных форм и контекстная ориентированность некоторых из них (герундива, причастия прош. вр. и медиального причастия наст. вр.). Подробнее об этом говорится во Введении диссертации.

142]. Ж.-Ж. Пино отмечает в [Pinault 2002: 244], что тохарский «разделяет ряд морфологических и синтаксических характеристик с бактрийским и другими среднеиранскими языками», и приводит в качестве примера специальное маркирование одушевленного прямого объекта и переосмысление оптата как прошедшего повествовательного времени. В [Peurot 2017: 333-339] достаточно подробно сравнивается употребление тохарского медиального причастия настоящего времени и древнеуйгурского ‘vowel converb’ и указывается, что такая продуктивность тохарского *m*-причастия в конвербиальной функции могла возникнуть под влиянием тюркских языков. Также можно упомянуть статью [Pinault 2015: 95-97], где говорится о соответствии в переводах тохарского абсолютива древнеуйгурскому конвербу на *-Xp* и санскритским формам на *-ya*, *-tya* и *-tvā*.

Насколько нам известно, наиболее системная попытка типологического сравнения тохарских языков с некоторыми агглютинативными языками Евразии представлена в статье [Peurot 2019], вышедшей в рамках упомянутого выше проекта “The Tocharian Trek”. В ней автор склоняется к уральскому (конкретно к прасамодийскому) источнику субстратного влияния, способствовавшего тохарскому типологическому сдвигу. На это, по мнению М. Перо, указывает сходство фонетических и падежных систем обоих языков (хотя заметим, что набор падежей оказывается тем не менее не идентичным), а также групповая флексия и широкое использование конвербов (что отмечалось также в [Peurot 2019: 73, 91, 99]). Но рассматриваемые языковые параллели оказываются неполными совпадениями, и ближе всего они, судя по всему, для фонетического уровня сопоставляемых языков, в то время как сходные синтаксические явления обнаруживаются сразу в нескольких из рассматриваемых в статье языков.

Некоторые общие соображения о возможности влияния алтайских или уральских языков на тохарскую грамматику можно кроме того найти в [Schmidt 1969; Zimmer 1982/83: 277-278, 285; Pinault 2007; Mallory 2015]; в качестве структурных инноваций в них в основном упоминается наличие в тохарских языках таких агглютинативных черт, как групповая флексия, монофункциональность вторичных падежных показателей и преобладание послелогов, без детального анализа этих явлений.

Таким образом, нам представляется, что значительное количество тохарских языковых характеристик, представляющих интерес для ареального сопоставления, остается неопианным или требует уточнения.

В настоящей диссертации исследуется и описывается несколько явлений, характеризующих как именную, так и глагольную синтаксис: – это темы, связанные с

групповой аффиксацией, с одной стороны, и с функционированием тохарских причастий и конвербов, с другой. **Предмет** исследования составляют:

- оформление однородных членов предложениями и адъективными суффиксами;
- употребление причастий настоящего времени и близких к ним отглагольных форм (имен деятеля) в совпадающих синтаксических позициях;
- синтаксис абсолютных конструкций и содержащих их предложений.

Цель диссертации заключается в выявлении возможных факторов, обуславливающих:

- повторное или однократное употребление предлога при сочиненных именах;
- повторное или однократное употребление суффиксов при адъективации сочиненных имен;
- выбор между медиальной и активной формой причастия настоящего времени, а также между активным причастием настоящего времени и некоторыми именами деятеля в совпадающей синтаксической позиции;
- порядок слов в предложениях, содержащих абсолютные конструкции.

Для каждой из тем предполагается последовательное сопоставление данных обоих тохарских языков, поскольку, несмотря на близкое родство тохарского А и тохарского В, реализация отдельных морфологических и синтаксических характеристик в них может существенно различаться. Ареальное сравнение решено ограничить включением данных только древнеуйгурского и восточноиранских языков – это мотивировано тем, что их носители были непосредственными соседями тохар в оазисах Таримского бассейна, и все эти языки (древнеуйгурский, восточноиранские и тохарские) объединены наличием (хотя и выраженных в разной степени²) агглютинативных черт.

Для достижения сформулированной цели в диссертации решаются следующие **задачи**:

- исследование употребления при однородных членах предлогов и объяснение случаев предложной реитерации; определение различий в союзном употреблении предлога «с» и его вариантов: А *śla, ślak*, В *śle, śale, ślek*; сравнение с употреблением предлогов при конъюнктах в других языках (глава I);
- исследование употребления при однородных членах адъективных суффиксов: описание случаев групповой аффиксации при помощи суффиксов А *-ši, -em*, В *-şşe, -tstse* и *-ññe*, объяснение различной степени продуктивности этого явления для тохарских В

---

² Например в тохарских языках групповая флексия распространяется на показатели вторичных падежей, в восточноиранских языках – на показатели вторичных падежей и мн.ч. [Skjaervo 2007: 65; Yoshida 2009: 312], а в тюркских языках, помимо суффиксов падежа и мн. ч., также на суффикс поссессива и изафет в именной и на показатели каузатива и пассива в глагольной морфологии [Lewis 1967; Gabain 1941: 158-160, § 361], см. подробнее вступление к Главе 2.

суффиксов; поиск типологических параллелей для описываемой модели адъективации (глава II);

- анализ употребления тохарских «активного» и «медиального» причастий настоящего времени в совпадающих синтаксических функциях (атрибутивной и предикативной) и поиск возможного распределения между обеими формами; сравнение с употреблением причастий на *-nt- и на *-meno- в других индоевропейских языках; типологическая характеристика тохарской системы причастий настоящего времени (глава III);
- изучение употребления «активного» причастия настоящего времени и некоторых имен деятеля в тохарском В и поиск возможных правил выбора между ними в схожих контекстах (глава IV);
- описание употребления абсолютных конструкций и структурных особенностей содержащих такие конструкции предложений; поиск функциональных параллелей в древнеуйгурском (глава V).

В работе используются **методы** филологического анализа: описание, контекстный анализ, дистрибутивный метод, сравнительный и сопоставительный методы.

Исследовательский корпус составляют все доступные для изучения письменные памятники тохарского А и тохарского В языков, опубликованные в электронных проектах CEToM (“A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts”), TITUS (“Thesaurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien”) и IDP (“International Dunhuang Project”).

Материал других языков тохарского лингвистического ареала брался из грамматических описаний и словарей, а для древнеуйгурского – также из текстов *Maitrisimitnombitig*³ и *Daśakarmapathāvadānamālā*⁴.

Актуальность темы диссертации определяется, с одной стороны, слабой изученностью многих аспектов тохарской грамматики, а с другой стороны, быстрым развитием данной научной области в последние десятилетия: благодаря таким электронным проектам, как CEToM (“A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts”), TITUS (“Thesaurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien”), IDP (“International Dunhuang Project”), стали доступны опубликованные ранее и публикуемые впервые тохарские рукописи, что открывает новые возможности для исследований.

Научная новизна работы заключается в том, что синтаксические явления, составляющие предмет исследования, ранее не привлекали специального внимания тохаристов и не были описаны в предшествующих работах.

---

³ Сенгимская версия по [Tekin 1980], версия из Хами по [Geng & Klimkeit 1988; Geng, Klimkeit & Laut 1988, 1998].

⁴ По [Wilkens 2016].

Настоящая работа делает тохарский материал доступным для исследований по ареальной лингвистике Восточного Туркестана и по типологии синтаксических заимствований. В этом нам видится **теоретическая значимость** диссертации. Ее **практическая значимость** состоит в том, что полученные результаты позволяют дополнить имеющиеся описания тохарской грамматики и могут быть использованы в преподавании тохарских языков. Они также могут быть полезны при интерпретации как некоторых уже известных документов, так и возможных будущих текстовых находок на тохарских языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Тохарские предлоги, управляя однородными именными группами, должны повторяться перед каждой ИГ. Это правило одинаково для обоих тохарских языков и может нарушаться только в стихотворных текстах, что обусловлено метрически (количеством слогов в строке).
2. Правило повтора предлога противопоставлено групповой флексии и связано с неспособностью предлога как вершины правоветвящейся конструкции управлять несколькими однородными зависимыми в тохарском как языке с преобладающим левым ветвлением.
3. Тохарские адъективные суффиксы (А *-ṣi*, *-eṃ*, В *-ṣṣe*, *-tstse* и *-ññe*) могут, подобно вторичным падежным показателям, управлять однородными именными группами (в том числе иногда распространенными). Однократное употребление словообразовательного суффикса с однородными ИГ в тохарском следует рассматривать по аналогии с групповой флексией у словоизменяемых суффиксов – как групповую деривацию и как вариант *suspended affixation*. Аналогичная модель образования прилагательных существует в некоторых тюркских языках, в т.ч. в древнеуйгурском.
4. Хотя тохарское «медиальное» причастие настоящего времени на А *-mām*, В *-mane* (ср. вед. *-māna*, гр. *-μενος*) функционирует преимущественно как конверб одновременности, в случае атрибутивного употребления оно дополнительно распределено с «активным» причастием настоящего времени (РРА): РРМ релятивизирует субъект непереходного глагола и объект переходного глагола (S = P), в то время как РРА релятивизирует субъект переходного глагола (A). Эргативная модель тохарского (атрибутивного) РРМ уникальна для причастий настоящего времени как с индоевропейской, так и с ареальной точки зрения: в восточных среднеиранских языках и в древнеуйгурском причастия настоящего времени являются активными (A = S). Тем не менее эргативность характерна для

древнеуйгурских отглагольных имен и для среднеиранских причастий прошедшего времени. Примечательная типологическая параллель представлена также причастием на *-gæ* в современном осетинском языке.

5. В тохарском В причастие настоящего времени на *-ñsa* (PPA) и имена деятеля на *-aısa* имеют одинаковую синтаксическую сочетаемость и распределены в зависимости от презентного класса производящего глагола: глаголы назальных классов презенса (6 и 7 кл.) вместо причастия на *-ñsa* образуют форму на *-aısa*; таким образом, последнюю следует рассматривать как тип II активного причастия.
6. Конструкции с тохарским абсолютивом различают две базовых позиции в предложении: препозиция к главным членам (Abs-S(O)V), если абсолютивный оборот содержит сентенциальное местоимение, и интерпозиция (S-Abs-(O)V) во всех прочих случаях. Кроме того, абсолютив способен выступать неканонически, что является его уникальным свойством в сравнении с другими предикатами в тохарских языках. Разносубъектные предложения с конвербами предшествования представлены также в древнеуйгурском языке.

Объем и структура работы

Диссертация состоит из введения, пяти глав с разделами и выводами по каждой главе, заключения, списка используемых сокращений и условных обозначений, библиографии. Объем диссертации составляет 231 страницу. Список литературы включает 185 работ. Приводимые примеры имеют сквозную нумерацию для каждой главы и глоссируются в упрощенном варианте.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** содержатся краткие сведения о тохарских языках и истории их ареального и типологического изучения, а также приводятся формальные квалификационные характеристики работы: определяются предмет, цель и задачи исследования, перечисляются использовавшиеся методы, описывается исследовательский корпус, обосновывается актуальность и научная новизна работы, характеризуется ее практическая и теоретическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту.

В Главе 1 исследуются правила оформления сочиненных именных групп предлогами (*A śla, B śle* «с» и *A sne, B snai* «без») в собственно предложной (1.1.) и союзной функции (1.2.) последних. В разделе 1.1. (п. 1.1.2.) разбираются все известные автору примеры

употребления тохарских предлогов с однородными членами. В подобных случаях предлог может либо повторяться однократно при первом из сочиненных элементов, либо повторяться перед каждым из них. Например, в тохарском А (примеры 1a-b) и в тохарском В (примеры 2a-b):

- 1 a) *śla ṣulas śtāmāntu*
 “с горами и с деревьями” (A 320 a7).
 b) *sne rse sne yāslurñe*
 “без ненависти, без враждебности” (YQ N.5 a8).
- 2 a) *snai laiwo ṣpane*
 “без отдыха и сна” (B 31 a5).
 b) *[ono]lmi snai yrām snai keś snai ṣa(m)ṣāl*
 “[сущ]ства без меры, без числа, без счета” (B 169 a4).

Как выясняется в ходе исследования (1.1.2.), на кратность появления предлога не влияет устойчивость словосочетания: среди обнаруженных примеров есть и имена, очевидно составляющие гендиадис, и сравнительно редко встречающиеся вместе термины (например, *pilko snai ptsak sn(ai) peñyai* «взгляд без моргания и без блеска» или *śla ṣulas śla [ri]s waṣtu stāmā[ntu]* «с горами, с городами, домами (и) деревьями»), а при самом гендиадисе предлог может быть как однократным, так и повторяющимся (ср. А *sne rse sne yāslurñe* “без ненависти, без враждебности” и В *snai saim waste* “без приюта и защиты”).

Можно было бы ожидать, что подобное употребление предлогов является калькой с санскрита, но тохарский материал это опровергает. Из найденных нами примеров три (примеры 3-5 ниже) имеют сохранившуюся санскритскую параллель. При этом только в одном случае (пример 3) однородные члены с повторяющимся предлогом “без” передают два санскритских композита с префиксом отрицания *a(n)-*, в двух других примерах тохарские однородные предложные группы представляют собой более свободный и избыточный перевод по сравнению с единичными санскритскими определениями *arupi* “бесформенный” и *atandritam* “неустанный” соответственно, ср.:

- 3 *asaṅgam* *anapagraham* • *sn[ai]* *tren[käl]* *snai* *krämpālyñetse* •
 непривязанный неотрывный без привязанность без отвлечение
 “Без (суетной) привязанности, без отвлечения” (B 251 b2).
- 4 *ākāśam* *arupi* • *ākāś* *sne* *arämpātum* *sne* *wrātal* •
 воздух бесформенный воздух без вид без форма
 “Воздух без облика, без формы” (A 387 a3).
- 5 *aiśaumi* *ceu* *pällāntār* *krento* *āstreṃ* *śaul*
 мудрец:PL DEM.OBL восхвалять:PR.3PL добрый:OBL чистый:OBL жизнь
śayeñcai *wṇolme:* *snai* *laiwo* *ṣpane*
 жить:PPA.OBL существо без усталь сон

“Мудрецы его восхваляют (как) существо, живущее добрую, чистую жизнь, без устали и сна” (В 31 а5).

Ср. санскритская параллель (Uv 13.12):

<i>tam</i>	<i>praśaṃsanti</i>	<i>śuddhājīvam</i>	<i>atandritam</i> ⁵
DEM.ACC	восхвалять:PR.3PL	чисто_живущий:ACC	неустанный:ACC

В то же время собранный материал демонстрирует зависимость от типа текста: повтор предлога наблюдается и в прозаических, и в стихотворных текстах, а однократное употребление предлога обнаруживается исключительно в стихотворных строках. Поскольку тохарское стихосложение является силлабическим, при котором в основе любого «мотива» (размера) лежит фиксированное количество слогов для каждой строфы и для каждой входящей в нее пады⁶, можно предположить, что однократное употребление предлога в стихе связано именно с нехваткой «лишнего» слога для повтора в конкретной метрической схеме. Подтверждением такого предположения может служить следующий пример:

6	<i>ṣāptāñcām</i>	<i>koṃ</i>	<i>śla</i>	<i>klop</i>	<i>wraṣāl</i>	/	<i>ṣpāt</i>	<i>pā(k</i>	<i>ats</i>
	7:ORD.OBL	день	с:PREP	боль	страдание		7:CARD	часть	EMPH
	<i>la)p</i>	<i>wākñā-ci</i>							
	голова	расколоть:KO.1SG-PN.2SG							

“На седьмой день со страданием и болью на семь частей голову я расколю тебе” (А 215 b1).

Здесь строка имеет метрическую схему 8|7|7 слогов, и первая цезура (отмечена знаком “/”) следует непосредственно за предложной группой, так что повтор предлога образовал бы лишний, девятый слог.

Еще очевиднее влияние метрики в примере 7, где второй предлог сохраняется только потому, что может девокализоваться перед гласным в начале следующего слова (внешнее сандхи отмечено знаком “=”) и в результате не образует лишнего слога:

7	<i>puttiśparṣās</i>	<i>sambhārāntu</i>	<i>sne</i>	<i>cārk</i>
	достоинство_Будды:ADJ.OBL.PL	коллекция:PL	без:PREP	остановка
	<i>sñ=</i>	<i>āñu</i>	<i>kropñāmāṃ</i>	
	без:PREP	отдых	собирать:PPM	

“Приготовления для достоинства Будды без перерыва, без отдыха собирая” (А 405 a1). Размер: 4×25 (5|5|4|4|4|3) или 20/22/10/15 (5|5|5|5 / 4|4|4|3|4|3 / 5|5 / 4|4|4|3).

Жанровую принадлежность текстов часто затруднительно установить из-за их фрагментарности, но для наиболее сохранных примеров случаи с наличием или

⁵ [Bernhard 1965: 204].

⁶ От скр. *pāda* “стопа”, метрическая единица стихотворной строки.

отсутствием повтора предлога перед однородными членами распределяются следующим образом:

Таблица 1

	Повтор предлога		Однократный предлог	
	ТА	ТВ	ТА	ТВ
Стихи	6	10	8	7
Проза	11	6	1	0
Всего	33		16	

Таким образом, в разделе 1.1. выявляется, что в обоих тохарских языках повтор предлога при однородных членах обязателен, а отсутствие повтора связано с метрическими требованиями стихотворной строки. Как показывается в п. 1.1.1., повтор предлога описан для целого ряда других языков, в том числе встречается в некоторых географически близких восточноиранских (согдийском и бактрийском [Sims-Williams 1973: 96; Стеблин-Каменский 1981: 344; Yoshida 2009: 314], хотя в них это явление ограничено аппозитивными именными группами). Кроме того, тохарские и восточноиранские языки объединяет наличие рамочных адлогов (предлог + послелог / вторичный падеж в тохарском).

В разделе 1.2. анализируется употребление предлога А *śla*, В *śle* «с» в союзной функции и исследуются различия в употреблении этого предлога и нескольких лексем, считающихся его вариантами (А *ślak*, В *śale*, *ślek*) в тохарском В (1.2.1.) и тохарском А (1.2.2.), ср. [Thomas 1979; Hacktsein 1997; Kim 2014] и др. Показывается, что на синхронном уровне каждого языка рассматриваемые формы, несмотря на общее происхождение, не могут считаться вариантами одной лексемы, имея функциональные расхождения. А именно, предложная функция характерна только для формы *śle*, в союзной же функции все три варианта имеют различия в употреблении: *śle* может сочинять только однородные члены предложения, а *śale* – только предложения, для *ślek* характерно смешанное употребление.

В **Главе 2** исследуется способность некоторых тохарских адъективных суффиксов выступать морфосинтаксической вершиной сочиненных ИГ. В обоих тохарских языках хорошо известны случаи адъективации подчинительных групп некоторыми продуктивными суффиксами прилагательных (тох. А *-um*, *-ši*, *-eṃ*, тох. В *-ṣṣe*, *-tstse*, *-ññe*; см. подробнее [Бурлак, Иткин 2013: 438-439; Zimmer 1982/83; Adams 2009; Najnal 2004]). В настоящей работе показывается, что по крайней мере некоторые из этих суффиксов (в

первую очередь А *-ši*, В *-šše*, но реже также А *-eṃ*, В *-tstse* и *-ññe*) могут присоединяться и к сочиненным группам.

В подавляющем большинстве примеров на описанную модель адъективации встречается суффикс А *-ši*, В *-šše*, ср. тох. А (8) и тох. В (9) примеры:

- 8 *kus ne ārkišoṣṣam k(ā)wāltune ciñcronesi wākā(m) ṣ[e](ṣ)*
кто EMPH мир:LOC красота нежность:ADJ образец быть:IPF.3SG
“Кто же был образцом красоты и нежности в мире” (А 175+178+ТНТ 2968.g a5⁷).
- 9 *atiyai pisāl melte oraṣše puwar*
трава:OBL шелуха навоз дерево:ADJ огонь
“Огонь из травы, шелухи, навоза и дерева” (В 194 b1).

Но можно найти и отдельные примеры с другими суффиксами. Так, в тохарском А удалось обнаружить случай оформления сочиненных ИГ суффиксом *-eṃ* (Pl. *-eñi*):

- 10 *(sne yā)rm sne mem kinnareñ gandharveñi lāñś*
без мера без число киннара:NOM.PL гандхарв:ADJ.NOM.PL царь:NOM.PL
“Бесчисленные) и бессчетные цари киннаров и гандхарвов (увидели Майтрею)” (YQ II.9 b3). Здесь суффикс *-eṃ* (Pl. *-eñi*) присоединяется к ед.ч. существительного *gandharv** “гандхарв, полубог” (ср. Nom.Pl. *gandhārviñ*, Acc.Pl. *gandhārves*), однако семантически он относится к обоим существительным (*kinnareñ gandharv-*), причем во множественном числе (более подробная дискуссия этого примера приводится в п. 2.3. диссертации).

В тохарском В имеются единичные примеры с суффиксами *-ññe* (11) и *-tstse* (12):

- 11 *ṣaḍvarginta yasa ñkante wrākaññeṃ wmera*
шадварга:PL золото серебро перламутр:ADJ.OBL.PL украшение:PL
maksi priyeṃ
сам:NOM.PL носить:IPF.3PL
“Шадварги⁸ сами носили украшения (из) золота, серебра, перламутра” (PK AS 18A a2).
- 12 *snai trenkāl snai krāmpālyñetse*
без привязанность без отвлечение:ADJ.NOM
“Без суетной привязанности, без отвлечения” (В 251 b2).

Эти и некоторые другие примеры обсуждаются более подробно в п. 2.4.

Хотя во многих подобных случаях адъективируются т.н. «парные имена», не всегда отличимые от композитов, удается обнаружить ряд примеров, говорящих о синтаксической самостоятельности оформляемых суффиксом элементов (п. 2.2.).

⁷ Соединение согласно [Иткин 2019: 21].

⁸ Шадварги – члены еретических групп буддийских монахов [Adams 2013: 710].

Приведем ниже наиболее наглядный из таких примеров (13), где адъективируется цепочка из шести сочиненных групп – наименований медицинских растений, при этом две из таких ИГ (*wi praha(ti)nta* “два паслена” и *klyotaiṣṣana witsaka<ṃ>* “корни якорцев”) являются распространенными, с числительным (*wi* «два») и прилагательным (*klyotaiṣṣana* «якорцевые») в качестве модификатора соответственно:

- 13   *hirant* •   *pilamāti* •   *wi*   *praha(ti)nta* • *mā(tu)l(uṅk pāṣā)ṇa(bhit)*•
 клещевина   айва   2   паслен:PL   цитрон   колеус
klyotaiṣṣana   *witsaka<ṃ>ṣṣe*   *kaṣāy*
 якорцы:ADJ.PL   корень:OBL.PL.ADJ   отвар
 “Отвар из клещевины, айвы, двух пасленов, цитрона, колеуса ароматного (и) корней якорцев стелющихся” (PK AS 2A a3-5).

Такое употребление перечисленных адъективных суффиксов можно сравнить с групповой флексией у тохарских вторичных падежных показателей, способных присоединяться и к подчинительным, и к сочиненным группам, ср. тох. В пары слов “голод (и) жажда” (14) и “сомнение (и) страх” (15) с адъективным суффиксом *-ṣṣe* и с показателем перлатива *-sa*:

- 14   *kest*   *yokaiṣṣe*   *läkle*⁹   vs.   *kest*   *yokaisa*¹⁰
 голод   жажда:OBL.ADJ   страдание   голод   жажда:OBL.PERL
 “страдание голода и жажды”   “из-за голода и жажды”
 15   *sklok*   *pr(o)sk(aiṣṣe*   *or)k(a)mñe*¹¹   vs.   *sklok*   *proskaisa*¹²
 сомнение   страх:OBL.ADJ   мрак   сомнение   страх:OBL.PERL
 “мрак сомнения и страха”   “из-за сомнения и страха”

Тохарский феномен рассматривается в диссертации как вариант *suspended affixation*¹³ и обозначается, по аналогии с групповой флексией, как групповая деривация. Таким образом, набор аффиксов, которые могут управлять сочиненными группами в тохарских языках, значительно шире – это не только словоизменительные, но и отдельные словообразовательные показатели. Нужно подчеркнуть, что суффикс А *-ṣi*, В *-ṣṣe* отличается исключительной продуктивностью в описанной словообразовательной модели, в то время как примеры на оформление сочиненных ИГ прочими суффиксами единичны: в ТА обнаружено 7 примеров на суффикс *-ṣi* и один пример на суффикс *-eṃ*; в ТВ – более 20 примеров на суффикс *-ṣṣe* и по одному примеру с суффиксами *-tstse* и *-ññē*. Возможные причины особенной продуктивности суффикса А *-ṣi*, В *-ṣṣe* в групповой адъективации обсуждаются в п. 2.4.

⁹ В 284 a2.

¹⁰ В 286 b3.

¹¹ PK AS 17K a1.

¹² В 409 a1.

¹³ Термин, впервые предложенный в [Lewis 1967] для групповой флексии в сочиненных конструкциях.

Хотя типология этого явления остается сравнительно малоизученной (подробнее в п. 2.5.), некоторые параллели можно найти в современном турецком [Akkuş 2016] и прежде всего в ареально близком древнеуйгурском языке. В последнем такие параллели представлены прилагательными на *-IXg*. Ранее чрезвычайное сходство функций др.уйг. суффикса *-IXg* и тох. суффикса А *-ši*, В *-şşe*, в т.ч. способность адъективировать подчинительные конструкции, уже отмечалась в [Erdal 1991: 139-140], но присоединение *-IXg* к однородным членам там подробно не рассматривается, за исключением короткого упоминания о возможности присоединения *-IXg* к «парным словам» (см. [ibid.: 147]). Тем не менее, как показывают некоторые известные нам примеры, древнеуйгурский адъективный суффикс также может управлять более длинными цепочками однородных членов, как в следующей строке, где *-IXg* относится сразу к четырем сочиненным элементам:

16	<i>ačmak</i> [suvsə]mak	<i>busuř</i>	<i>kadguluğ</i>	<i>otın</i>
	голод жажда	печаль	забота:ADJ	огонь:INSTR

“(Сжигаемы) огнем голода (и) жажды, печали (и) заботы” (MaitrNami XX 14 10-11).

Таким образом, оформление сочиненных ИГ может быть общим и ареально обусловленным свойством тохарского суффикса А *-ši*, В *-şşe* и древнеуйгурского суффикса *-IXg*.

Глава 3 посвящена особенностям функционирования тохарских причастий настоящего времени на А *-nt*, В *-ñsa* и А *-māt*, В *-mane*. Эти формы традиционно обозначаются как «активная» (РРА) и «медиа́льная» (РРМ), поскольку они продолжают индоевропейские причастия на **-nt-* и на **-mh₁no* соответственно, хотя в тохарских языках их использование не имеет отношения к залогу производящего финитного глагола, и оба причастия имеют разные синтаксические свойства: форма на А *-nt*, В *-ñsa* в большинстве случаев выступает субстантивированно, а форма на А *-māt*, В *-mane* – как деепричастие одновременности (п. 3.1.). Вместе с тем, обе формы могут встречаться в атрибутивном и предикативном употреблении [Dietz 1981: 13, 144; Pinault 2008: 617], и проблема их соотношения в данных функциях исследуется в диссертации впервые. В п. 3.2. рассматриваются все найденные тохарские А и тохарские В контексты с определительными РРА (3.2.1.) и РРМ (3.2.2.). Показывается, что в атрибутивной функции оба причастия имеют залоговые различия, основанные на переходности/непереходности производящего глагола: переходные глаголы образуют активные причастия на А *-nt*, В *-ñsa* и пассивные причастия на А *-māt*, В *-mane*, в то время как непереходные глаголы образуют РРМ с активным значением. Такое распределение прослеживается достаточно четко: для переходных глаголов исключений не обнаружено вовсе, а на непереходные

атрибутивные РРА нам удалось найти только по одному примеру в тох. А и в тох. В (оба – от глагола А / В *käly*- “стоять”).

В п. 3.3. анализируются также некоторые доступные контексты, где причастия выступают в предикативной функции. В целом предикативные формы не показывают такого четкого распределения, как атрибутивные: РРМ, образованные от переходных глаголов и имеющие активное значение, оказываются допустимыми.

Распределение залоговых значений между тохарскими причастиями в атрибутивной функции можно представить в следующей таблице:

Таблица №2

Причастие в атрибутивной функции	ТА		ТВ	
	РРА	РРМ	РРА	РРМ
Всего	21	31	20	13
• vt	20	6 (пассивно: 4)	19	3 (пассивно: 3)
• vi	1	25	1	10

Отдельно рассматриваются формы РРА и РРМ от глагола *mäsk*- “быть, становиться” (п. 3.4.), поскольку по крайней мере в тохарском В за обоими его причастиями, РРА *mäskeñca* и РРМ *mäskemane*, закреплено, как кажется на основании примеров, разное лексическое значение: *mäskeñca* встречается только в контекстах с зависимым локативом и имеет значение “пребывавший в X”, а форма *mäskemane* всегда выступает в бытийном значении. Нельзя сделать вывод об аналогичном различии РРА и РРМ от глагола *mäsk*- в тохарском А, так как в восточнотохарском языке известно слишком мало соответствующих контекстов.

В п. 3.5. тохарская система причастий настоящего времени обсуждается в индоевропейской и ареальной перспективе. В отличие от тох. А и тох. В, в других древних индоевропейских языках, имеющих активное и медиальное причастие, оба суффикса строго распределены между глаголами с активной и медиальной парадигмой, а сами РРА и РРМ являются синтаксически активными, т.е. ориентированными на субъект переходного и непереходного глагола (А = S), объект же переходного глагола (Р) – при наличии в языке пассивного причастия наст.вр., как, например, в балто-славянских языках или санскрите, – релятивизируется отдельно. В общем случае (т.е. в неатрибутивном употреблении) тохарские причастия настоящего времени ориентированы сходным образом: РРА является активным (А = S), РРМ – тоже активным или, возможно,

контекстно ориентированным (A=S=P)¹⁴. Но в атрибутивной позиции соотношение обоих причастий соответствует агентивно-абсолютивной модели¹⁵. А именно: атрибутивное РРА релятивизирует субъект переходного глагола (А); атрибутивное же РРМ является абсолютивным (пациентно-ориентированным), объединяя объект переходного и субъект непереходного (и неагентивного) глагола (P = Sp). В восточных среднеиранских языках причастия настоящего времени являются активными (A = S). С редкими исключениями то же верно и для древнеуйгурских имперфективных причастий. Тем не менее абсолютивность (эргативность) широко представлена как в среднеиранских языках, так и в древнеуйгурском, хотя и затрагивает в них в основном формы с результативным значением: среднеиранские причастия прошедшего времени (ставшие источником эргативного согласования в прошедшем времени¹⁶) и большинство древнеуйгурских отглагольных имен¹⁷. Таким образом, с ареальной точки зрения модель S = P можно считать уникальной для причастий настоящего времени, но не для отглагольных форм вообще. Примечательная типологическая параллель представлена также причастием настоящего времени на -*zæ* в современном осетинском языке [Абаев 1970: 611-612].

Поскольку в неатрибутивном употреблении “активное” причастие настоящего времени традиционно рассматривается как имя деятеля [Dietz 1981: 3-4, 9-10, 144; Pinault 2008: 616-617; Peyrot 2017: 328-329], возникает вопрос о том, существуют ли какие-либо факторы, определяющие выбор между РРА и собственно именами деятеля (NA) в тохарском В, где к классу последних принято относить до восьми форм (имеющих показатели *-nta*, *-ntsa*, *-uki*, *-uca*, *-auca*, а также *-i*, *-a* и *-tse*). Этому вопросу посвящена **Глава 4** настоящей диссертации. В начале главы (4.1.) обсуждается ситуация в тохарском А, где имена деятеля немногочисленны, имеют единственный показатель *-nt* и формально отличаются от РРА только долготой гласного производящей основы. В разделе 4.2. исследуется более сложная ситуация в тохарском В. Обращается внимание на существование контекстов, в которых различия между причастиями и именами деятеля (во избежание путаницы мы продолжаем придерживаться в диссертации общепринятых обозначений рассматриваемых форм) остаются неясными, как, например, в двух следующих примерах, где РРА (*tanmaşşeyca* и *keşşeyca*) и NA (формы на *-uki* и на *-auca* ~ *-oca*) появляются в одной рукописи и притом в схожем синтаксическом окружении:

17 Текст В 197:

¹⁴ На самом деле примеров на пассивное употребление конвербиальных РРМ очень мало: нам удалось найти только четыре случая в тох. А и ни одного в тох. В.

¹⁵ В терминологии [Shagal 2019: 75-78].

¹⁶ [Haig 2017; Лившиц 1999: 45; Виноградова 1999: 71, 92].

¹⁷ [Erdal 2004: 151-152].

- a) *tarya vedantats putkau tanmaṣuki viṣai mā nesām*
 3:CARD ведана:PL.GEN отделение породить:NA сфера_чувств NEG быть:PR.3SG

“Сфера чувств не порождает различение трех ведан...” (строки b3-b4).

- b) *sak tanmaṣṣeñca māsketrā*
 счастье породить:PPA быть:PR.3SG

“(kakse-объект в теле) порождает удовольствие” (строки b4-b5).

18 Текст В 295:

- a) *po llāklenta keṣṣeñcai*
 весь страдание:PL гасить:PPA.OBL

“Уничтожающий все страдания...” (строка a9).

- b) *pontāmntso akalkānta kārstoca*
 весь:GEN.PL желание:PL обрывать:NA

“(Монстр смерти,) обрывающий желания всех (существ)” (строки b2-3).

Осуществляется анализ морфологических характеристик (4.2.1.) и синтаксической сочетаемости (4.2.2.) PPA и пяти наиболее частотных тох. В имен деятеля (-*nta*, -*ntsa*, -*uki*, -*uca*, -*aUCA*). В результате удается установить, что формы на -*aUCA* в действительности представляют собой PPA II и находятся в дополнительной дистрибуции к PPA I (причастиям на -*ñca*) в зависимости от презентного класса производящего глагола: глаголы с назальным исходом основы настоящего времени (классы VI и VII) образуют причастие от основы конъюнктива (такие глаголы почти всегда имеют класс V конъюнктива) и с помощью суффикса -*aUCA*, в то время как все прочие глаголы образуют причастие на -*ñca* от основы презенса. Ср. выбор формы *keṣṣeñcai* vs. *kārstaUCA* ~ *kārstoca* в приводившихся выше примерах 18a и 18b:

- PPA I *keṣṣeñca* < *kās-* / *kes-* “гасить”, 2 кл. презенса, 3sg pr *keṣām*
- PPA II *kārstoca* < *kārst-* “обрезать”, 6 кл. презенса, 3sg pr *karsnaṃ*

Исключение составляют только три глагола презентных классов II и IX, которые имеют одновременно обе формы (на -*ñca* и на -*aUCA*). Два из этих глаголов являются супплетивными и имеют конъюнктив класса V:

- *āk-* ~ *wāy-* “вести” (Pr II *āk-*, Ko V *wāy-*, Pt Ib *wāy-*) > PPA *āseñca* и NA *wayaUCA*
- *lāk-* ~ *pālk-* “видеть” (Pr IX *lāk-*, Ko V *lāk-*, *pālk-*, Pt Ib *lāk-*, *pālk-*) > PPA *lkāṣṣeñca* и NA *pālkaUCA*

Третий глагол, *kālp-*, супплетивным не является и имеет класс конъюнктива VI, однако его принадлежность к этому классу должна быть вторичной [Malzahn 2010: 408]. При этом вероятно также, что инновацией для него является и класс презенса IX (предположение делается на том основании, что в тох. А глагол *kālp-* имеет основы Pr VI, Ko V, Pt I):

- *kālp-* “получать” (Pr IX, Ko VI, Pt Ia) > PPA *kālwāṣṣeñca** и NA *kālpauca*

Таким образом, форма *kälwāṣṣeñca* должна была появиться уже после замены Pr VI > Pr IX, и этот глагол, вероятно, не является реальным исключением из наблюдаемого распределения между РРА и НА на *-aica*.

Далее выявляется, что отдельные имена на *-ica* могут, подобно именам на *-aica*, встречаться в атрибутивной функции, но остается неясным, должны ли эти формы рассматриваться в рамках одного типа или же отдельно, поскольку группа на *-ica* слишком малочисленна и в то же время неоднородна в отношении синтаксических характеристик входящих в нее форм. Кроме того, на основе изучения примеров в п. 4.2.2. делается предположение, что имена на *-iki* также могли быть особым типом РРА, используемым в предложениях с условием или отрицанием. Однако в настоящее время известно слишком мало контекстов с этим НА, чтобы сделать окончательные выводы.

Если формы на *-aica* являются РРА II, то на них должно распространяться правило распределения атрибутивных РРА и РРМ, предложенное в Главе 3, то есть формы на *-aica* в атрибутивной функции должны быть образованы от переходных и/или агентивных глаголов. Такая проверка проводится в п. 4.2.3. и показывает, что интерпретация форм на *-aica* как РРА II не противоречит выводам, сделанным в Главе 3.

В п. 4.3. подводятся итоги проведенного в Главе 4 исследования. Высказывается предположение, что связь форм на *-aica* с назальными классами VI и VII презенса с одной стороны и с классом V конъюнктива с другой имеет единое происхождение: абсолютное большинство глаголов презентных классов VI и VII имеют конъюнктив кл. V, так что употребление суффикса *-aica* вместо *-ñca* при глаголах с назальным презенсом могло быть переосмыслено как правило употреблять суффикс *-aica* вместо *-ñca* при глаголах с конъюнктивом кл. V. Делается вывод, что такое правило было обусловлено стремлением избежать последовательности из нескольких назальных в конце глагольной основы и суффиксе. Диссимиляцией могут, по нашему мнению, объясняться также отдельные формы на *-aica/-ica*, не принадлежащие к классам VI-VII презенса, но фактически имеющие назальный исход производящей основы (это *rānnaica* вместо **rānneñca* у глагола *rānp-* “тянуть”, Pr II, а также преобладание формы *unīca* над *unēñca* у основы *un-* глагола *u-* “идти”, Pr I).

Описанная ситуация является уникальной для тохарского В, поскольку в тохарском А имена деятеля малочисленны и имеют значительно более узкую синтаксическую функциональность, чем причастия.

В конце главы (4.4.) приводится полный список тохарских В форм *nomina agentis* и РРА, рассматривавшихся в четвертой главе.

В **Главе 5** исследуется порядок слов в предложениях, содержащих конструкцию с абсолютивом¹⁸ (абсолютивный оборот, АО). По своей функции в предложении АО соответствует деепричастному обороту со значением предшествования [Thomas 1960; Pinault 2008: 612-613; Бурлак, Иткин 2013: 429, 473]. Хотя АО крайне частотны в текстах обоих тохарских языков, синтаксис содержащих их предложений до настоящего времени специально не изучался. Считается (например, в [Pinault 2015: 95, 97; Peyrot 2017: 334]), что АО занимает начальное положение в предложении. Действительно, такая позиция для конверба предшествования типологически наиболее распространена [Tikkannen 2001: 1118], тем не менее, по нашей предварительной оценке, в тохарском предложении исключения могут составлять до половины случаев.

В рамках диссертационного исследования было найдено 94 контекста с АО в тохарском А и 63 контекста в тохарском В, которые анализируются в пп. 5.1. и 5.2. соответственно. В результате было установлено, что в обоих тохарских языках конструкции с абсолютивом различают две базовых позиции в предложении:

- ✓ **Интерпозиция (S-Abs-(O)V)**: в нормальном случае АО занимает позицию между подлежащим и сказуемым (п. 5.2.1.):

19	<i>tane</i>	<i>plaktu(kä)ñña</i>	<i>brāhmaṇeṃ</i>	<i>lyelyakormeṃ</i>
	тогда	привратница	брахман:OBL.PL	видеть:ABS
	<i>kerčyenn(e)</i>	<i>yopsa</i>		
	дворец:LOC	войти:PT.3SG		

“Тут привратница, **брахманов увидев**, во дворец вошла” (В 81 b3-b4).

- ✓ **Препозиция к главным членам (Abs-S(O)V)**: если АО содержит сентенциальное местоимение, выполняющее функцию анафорической отсылки к предыдущему тексту, то такой АО регулярно перемещается в препозицию по отношению к подлежащему, оказываясь в самом начале предложения (п. 5.2.2.):

20	<i>tām</i>	<i>kārsorüş</i>	<i>şuliñi</i>	<i>ñäktañ</i>	<i>weyeṃ</i>
	SENT	знать:ABS	горный:NOM.PL	бог:NOM.PL	изумленный
	<i>nām̄tsuṣ</i>	<i>tränkiñc</i>			
	быть:PPT.NOM.PL	говорить:PR.3PL			

“**Это узнав**, горные боги, изумлены будучи, говорят...” (А 75 a1).

В тохарском А не обнаруживается отклонений от этого распределения. В тохарском В есть ряд исключений, которые обсуждаются в п. 5.2.3. Выявляется, что все случаи

¹⁸ Абсолютив – аблативная форма отглагольного существительного, образуемого от причастия прошедшего времени (PPt) с помощью суффикса *-r* (тох. А *-r-äṣ*, тох. В *-r-meṃ*). Например:

- тох. А *klyos*- “слышать” > PPt *kaklyuṣu* > *kaklyuṣur** > Abs *kaklyuṣuräṣ*;

- тох. В *klyaus*- “слышать” > PPt Nom. *keklyauṣu*, Obl. *keklyauṣo-* > *keklyauṣor* > Abs *keklyauṣormeṃ*.

Здесь речь идет об Abs I. Более редкий абсолютив II (с показателем перлатива, тох. А *-r-ā*, тох. В *-r-sa*), в диссертации специально не рассматривается.

нерегулярного порядка слов в тох. В предложениях с АО представляют собой препозицию АО без анафорической отсылки, но не интерпозицию АО, содержащих такую отсылку. Интересно, что АО, содержащие указательное местоимение, также имеют тенденцию к препозиции в тох. В, но укладываются в сформулированное выше базовое правило в тох. А, оказываясь всегда в интерпозиции.

Как показывается далее в п. 5.3., абсолютив в обоих языках способен выступать неканонически, что является его уникальным свойством в сравнении с другими тохарскими предикатами, например:

- 21   *te*   *keklyaušormet*   *arañemiñ*   *lānte*   *pit*   *maiwāte-ne*
 SENT   слушать:ABS   Аранеми:GEN   царь:GEN   желчь   дрожать:PT.3SG-PN.3SG
 “Это услышав, у царя Аранеми желчный пузырь задрожал” (В 85 b4-5).

Возможно, допустимость разносубъектности именно для абсолютива связана с тем, что он, функционируя синтаксически как глагольная форма, морфологически является существительным.

В п. 5.4. обсуждаются глагольные конструкции со значением предшествования в древнеуйгурском языке. Наряду с др.уйг. оборотами с конвербом на *-Xp* (Pinault 2015: 95-97) другой – интересной со структурной точки зрения – параллелью оказываются вторичные конвербы на *-dOk-dA* и *-mlš-tA* – локативные конструкции с причастием абсолютного прошедшего времени на *-dOk* и *-mlš*. При этом именно предложения с конструкциями на *-dOk-dA* и *-mlš-tA* (но не на *-Xp*) допускают разносубъектность:

- 22   *kim*   *ymä*   *tāngri*   *tāngri*   *burxan*   *nirwanqa*   *b(a)rmišta*
 REL   CNJ   бог   бог:IZ   Будда   нирвана:DAT   идти:PTCP.LOC
kin   *šazanta*   *ulu*   *asa*   *tusu*   *qiltar*
 затем   дисциплина:LOC   большой   польза   выгода   создавать:PT.3PL

“(Я преклоняюсь перед величием тех,) которые, **после того как бог богов Будда ушел в нирвану** (букв. “в нирвану уйдя”), затем принесли дисциплине большую пользу...” (MaitrHami Einleitungskapitel 12b 1-3).

Насколько можно судить по найденным примерам, синтетический конверб на *-(X)p* в основном используется в том случае, если его субъект совпадает с субъектом основного глагола. Формы же на *-mlš+tA* и *-dOk+dA* чаще (но не всегда) встречаются в разносубъектных предложениях. Это свойство вторичных конвербов отмечается также в [Erdal 2004: 320]. Согласно Эрдалю, субъект такого конверба обычно выражен им. сущ. в номинативе, но может иметь форму генетива. Это можно сравнить с ситуацией в тохарском, где в разносубъектных предложениях с АО субъект абсолютива также может

быть выражен как номинативом (тохарские примеры 74-76 в Главе 5 диссертации), так и генетивом (примеры 83 и 87).

Если говорить о порядке слов в предложении, похоже, что уйгурский конвербиальный оборот всегда находится в препозиции к главным членам, хотя это наблюдение предварительное и требует проверки на большем количестве контекстов. Если оно верно, то тохарский синтаксис с варьированием позиции АО в предложении отличается от древнеуйгурского.

В разделе 5.5. обобщаются результаты, полученные в пятой главе. Абсолютивный оборот занимает начальную позицию (препозицию) только в половине случаев в тохарском А и в двух третях случаев в тохарском В, для этого АО должен, как правило, содержать анафорический элемент (сентенциальное местоимение), см. таблицу №3 ниже. Еще раз отмечается различная степень жесткости сформулированных правил в тохарском А и тохарском В. Природа таких различий непонятна, так как они не вытекают из грамматического строя обоих языков. Вероятно, строгость правил в тох. А обусловлена некоторой его "искусственностью": почти все известные тох. А тексты являются религиозными сочинениями, а кроме того, не исключено, что тохарский А мог быть мертвым языком к моменту его письменной фиксации.

Таблица 3

Позиция АО	Тип АО	ТА	ТВ
Интерпозиция	без анафорического элемента	46	18
	с сентенциальным местоимением	0	1
	с указательным местоимением	5	2
Препозиция	без анафорического элемента	2	8
	с сентенциальным местоимением	37	14
	с указательным местоимением	1	7
	с неканоническим субъектом	6	9
Постпозиция		2	4
Всего контекстов		94	63

В **Заключении** перечисляются и обобщаются основные выводы каждой из глав диссертации. Замечается, что настоящая работа может стать одним из шагов в направлении составления сопоставительных грамматик для языков тохарского ареала, а также представлять интерес для исследований по типологии синтаксических заимствований.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в изданиях, входящих в международную базу Scopus и в списки журналов высокого уровня, рекомендованные НИУ ВШЭ:

1. Курицына А.В. Еще раз о союзной функции тохарских слов А *śla*, *ślak*, В *śle*, *śale*, *ślek* // Индоевропейское языкознание и классическая филология XX (1) – СПб: Наука, 2016 – сс. 559-572.
2. Kuritsyna Anna V. Tocharian B manuscripts 498 and PK AS 3A: Two parallel medical texts ("Тохарские В рукописи 498 и PK AS 3A: два параллельных медицинских текста") // Manuscripta Orientalia 23 (1) – St. Petersburg, 2017 – pp. 54-60.
3. Kuritsyna Anna V. Suspended affixation with Tocharian adjectival suffix А *-ṣi* / В *-ṣṣe* and its possible parallel in Old Uighur ("Групповая флексия с тохарским адъективным суффиксом А *-ṣi* / В *-ṣṣe* и возможная древнеуйгурская параллель") // Вопросы языкового родства 16 (3-4), РГГУ – Институт языкознания РАН, М., 2018 – сс. 265-276.
4. Kuritsyna Anna V. Preposition Repetition in Tocharian ("Повтор предлога в тохарских языках") // Indo-European Linguistics 4 – Brill, 2016 – pp. 190–208 – URL: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/22125892/4/1>

Прочие публикации:

5. Курицына А. В. Лингвистическая задача «В стихах и прозе» на материале тохарского А и тохарского В языков // XLVI Московская традиционная Олимпиада по лингвистике: Задачи. II тур – М., 2016.
6. Itkin Ilya B., Anna V. Kuritsyna & Sergey V. Malyshev. Tocharian A text THT 1331 and the "Höllenskapitel" of the "Maitrisimit nom bitig": some more remarks ("Тохарский А текст THT 1331 и «Адские главы» Maitrisimit nom bitig: некоторые новые замечания") // Tocharian and Indo-European Studies 18 – Museum Tusculanum Press, 2017 – pp. 71-82.
7. Itkin Ilya B. & Anna V. Kuritsyna. Chapter XX of "Maitreyasamiti-Nāṭaka" and its hellish sufferings: the fragment THT 1308.a1 ("Глава XX тохарской Maitreyasamiti-Nāṭaka и ее адские мучения: фрагмент THT 1308.a1") // Tocharian and Indo-European Studies 18 – Museum Tusculanum Press, 2017 – pp. 63-70.
8. Itkin Ilya B. & Anna V. Kuritsyna. Again on nomina agentis in Tocharian B: some new observations ("Еще раз об именах деятеля в тохарском В: некоторые новые наблюдения") // Tocharian and Indo-European Studies 20 – Museum Tusculanum Press, 2020 – pp. 83-106.